

ПРИМИРЕНИЕ

Долгожданная третья часть "Идиота" наконец показана зрителю. В том, что вместо заявленных трех спектаклей в прошлом сезоне вышло два, был некий сюжет — и для зрителей, и для критиков. Нам оставалось мучиться и гадать (не потому, что мы не читали романа). Женовач сделал очень выигрышную паузу — напряженное ожидание идет на пользу восприятию. Что-то вроде театрального детектива: чем все кончится, как выберется режиссер из собственного замысла, как справятся актеры с огромной нагрузкой, смогут ли удерживать перспективу роли, да и что же, наконец, это за спектакль? В "Бесстыжей" и "Рыцаре бедном" мне увиделось столкновение "русской" и "французской" эстетики. Удастся ли режиссеру свести их в третьем спектакле? Удивительно, но эти две линии пошли параллельно. Они спорят друг с другом внутри самой постановки. Диалог остается открытым. Можно сказать, это не синтез двух эстетик, а их примирение.

"Русский свет" первоначально назывался "Безумие". И это просвечивает и в режиссерском решении. Сцены уже не "наползают", а накладываются одна на другую: еще не оправился князь от крика Агнии, что Настасья Филипповна надо свести в смиренный дом, как приходит Лебедев и начинает мучительный спектакль о пропаже четырехсот рублей; еще не затих его голос "тихими стопами и... вместе-с", как Агния и Настасья Филипповна начинают разыгрывать сцену с письмами; еще стонет Настасья Филипповна "Ушла, ушла гордая барышня..." и не замечает, как вошел Радомский, все повторяя в сладком иступлении: "Мой, мой, я его этой барышне отдавал!"

Но самое интересное — финал спектакля.

Рогожин ведет Мышкина за занавеску "показать" Настасью Филипповну. Оба выходят через минуту. Но как вышел Мышкин! Не вышел, а выволокался, едва ступая на ватных ногах, сгорбившийся, потухший, постаревший. Его трясет, он мотает головой, и безумный блеск вдруг пробивается в его глазах. А потом оба ложатся на зеленые диванные подушки, а где-то за зеленой занавеской — Настасья Филипповна, впрочем, вот она выходит, в белом подвенечном пла-

Сергей Женовач — один из столпов нынешней режиссуры среднего поколения. Его трехчастный "Идиот" («Бесстыжая», «Рыцарь бедный», «Русский свет») на М.Бронной — заметное явление прошлого и текущего сезонов. Столкновение мнений вокруг постановщика и спектаклей закономерно.

тье, сидит в головах у них, мягко, задумчиво улыбается. А человек, который зарезал ее, свернулся клубком, подскки, и вдруг как расхохочется: "Офицера, офицера-то помнишь, как она офицера того на музыку хлестнула!", и долго еще будет повторять он это, захлебываясь от смеха, дергаясь чуть не в судорогах, с каким-то наслаждением, а Мышкин все будет бережно гладить его по голове и утешать, и так они и лежат, а между тем выходят герои этой истории, и Евгений Павлович "от автора" рассказывает, что же произошло дальше со всеми лицами романа. Красивая, статичная мизансцена, и две фигурки, два обезумевших человека, которые сплелись в клубок. Заключение необходимо, как рамка всего спектакля, но и для того, чтобы не заканчивать на безнадежной ноте. Не зря оно разворачивается на фоне замечательного "штраусовского вальса" Глеба Седельникова. Он же и "на музыку" звучал, когда Настасья Филипповна офицера хлестнула.

Заклочительная реплика генеральши — "и вся это ваша Европа, все это одна фантазия, и все мы за границей, одна фантазия... помните мое слово, сами увидите!" — вдруг странным образом преображает то, что прошло перед нами. Эта легкая, смешная, изысканная концовка словно снимает напряжение, накопившееся за двенадцать часов трех спектаклей.

Интересно вернуться к самому "французскому" из них — "Бесстыжей". Он вырос по сравнению с премьерой. Ирина Розанова в сцене дня рождения вдруг заиграла так, как прежде не играла. От нее исходил какой-то заряд, пронзающий как тех, кто рядом с ней на сцене, так и тех, кто сидит в зале. Какал напряженная, насыщенная была тишина, как вдруг разрыдалась актриса, ко-

гда произнесла: "Вы не виноваты, Настасья Филипповна, а я вас обожаю!" Я бы сказала, что "классицистские" мизансцены стали интимнее, наполнились новым содержанием.

Лев Николаевич Мышкин — Сергей Тарамас — почти все время находится на

сцене. В этом смысле его роль самая тяжелая. В "Бесстыжей" у Тарамаса есть несколько замечательных кусков — сцена в вагоне, монолог "какой же я маленький?" — но неожиданностей в роли пока нет, может, она ему слишком подходит, что не всегда на пользу персонажу. Мышкин начинает спектакль, но затем — терлется, растворяется в других лицах и сюжетных линиях. В "Рыцаре" князь фактически нет. В "Русском свете", в первом действии, Мышкин продолжает быть если не фоном, то не очень значительным лицом. И лишь со сцены "смотри" князь, наконец, выходит и проживает очень долгую жизнь, не опущенную ему режиссером в первых двух спектаклях.

В третьем спектакле стало понятно постоянное выражение боли на лице Мышкина. Как было бы хорошо: "люблю обоих", "просто так женился" (а в "Бесстыжей" он говорил: "Я не могу жениться ни на ком, я не здоров"), а эти женщины так и разрывают его. Как неловко, боясь дотронуться, гладит он Настасью Филипповну. Как произносит в сцене свидания с Агнией: "Я действительно вчера этого болел", болел того, что она влюблена... Радомский упрекает потом князя: "Агния Ивановна любила как женщина, как человек, а не как отлеченный дух."

Если у Тарамаса роль едина, то Рогожин в исполнении Качанова в каждом спектакле открывается с новой стороны. Такого трагически-сумрачного, приглушенного Рогожина мы еще не видели. В спектакле много замечательных актерских работ, но две поразили: генеральша Епанчина и Лебедев. Надежда Маркина неожиданно открылась как сильнейшая характерная и комическая актриса. Из женских ролей эта — самая яркая. Топцов создал удивительную гротескную маску, и это едва ли не самая блистательная мужская роль.

Когда смотришь каждый спектакль отдельно, впечатление все же иное, чем при просмотре всей трилогии подряд, тем более, что изменились и зрители, и артисты. Третий спектакль позволил им в